Балацкий Евгений Всеволодович
доктор экономических наук, профессор,
зав.отделом комплексных проблем развития
национальной инновационной системы РИЭПП.
Тел. (495) 917-03-51,
info@riep.ru

СМЕНА НАУЧНО-ПОИСКОВОЙ ПАРАДИГМЫ: РАССЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Введение. В настоящее время не только российская, но и вся мировая наука претерпевает глобальные изменения. В данной статье мы рассмотрим только один аспект этих изменений, связанный с трансформацией научно-поисковой логики. Изменения, о которых идет речь, плохо различимы и могут быть только «подмечены» конкретными исследователями на базе интроспективного опыта. Однако значение произошедших сдвигов настолько велико, что можно говорить о пересмотре самой поисковой парадигмы, чем и обусловлена актуальность выбранной проблемы.

Рассмотрим сущность произошедших сдвигов более подробно. Так как все обсуждаемые нами закономерности особенно ярко проявляются в социальных науках, то изложение всех вопросов будем вести применительно к этим дисциплинам. При желании все тезисы могут быть наполнены примерами и других наук — технических, естественных и гуманитарных.

2. Изучение, исследование, расследование: этимологический аспект. Основной тезис, отстаиваемый нами, состоит в том, что классические научные *исследования* постепенно преобразовались в некие научные *расследования*, сильно напоминающие прокурорские расследования. В чем же между ними разница?

Любое научное исследование направлено на установление неких *устойчивых* и преимущественно *количественных* связей между важнейшими параметрами изучаемой системы. Однако социальные системы в последнее время настолько быстро перестраиваются, что выявить какие-то долговременные связи в них становится все сложнее. В связи с этим изучение системы ограничивается расследованием, которое направлено на уяснение *основных моментов* в *текущем* функционировании системы и не претендует на серьезные обобщения.

Здесь уместно остановиться на этимологических аспектах рассматриваемых понятий. Например, следует, вообще говоря, различать три такие категории, как изучение, исследование и расследование, которые и в английском языке имеют свои аналоги: study, research и investigation. *Изучение* (*study*) предполагает разбор уже существующего знания и овладение им. *Исследование* (*research*) направлено на проникновение *вглубь* изучаемого процесса (явления) и формирование на этой основе нового и, как правило, относительно универсального знания. *Расследование* же

(*investigation*) направлено на *поверхностное* осмысление фактов и генерирование выводов, имеющих значение лишь в *контексте* данного момента и данных обстоятельств. Образно говоря, исследование — это проникновение «вглубь» явления, а расследование — это «скольжение» по его поверхности. Разумеется, используемые нами метафоры «глубины» и «поверхности» весьма условны, так как и при исследовании, и при расследовании имеют место оба аспекта[1]. Тем не менее, акценты все-таки в них разные и направлены на разную степень «погружения» в проблему.

Непосредственным следствием указанных различий в исследовании и расследовании является то, что первое позволяет установить количественные связи и делать выводы на основе *количественного* анализа, а второе ориентировано на получение выводов *качественного* характера. Тем самым исследование предполагает всегда большую *точность*, чем расследование. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что расследование может служить основой и исходной точкой для исследования, но не наоборот.

Сказанное позволяет лучше понять, почему собственно научные исследования постепенно трансформируются в расследования. Дело в том, что в эпоху классической и постклассической науки любая позитивная информация и любое знание были редкими, тогда как сейчас информации в избытке. Соответственно раньше любые выводы были сопряжены с необходимостью обработки имеющейся скудной информации и получением на этой основе новых данных. Сегодня информации в мире так много, что генерировать новые ее пласты уже не имеет смысла; в основном надо отыскать нужную информацию, которая уже есть. И современные информационные поисковые системы Интернет-сети позволяют это сделать. Кроме того, современный быстро меняющийся многомерный мир отрицает многие ранее использовавшиеся аналитические методы; качественное изменение изучаемой системы происходит так быстро, что исследователи просто не успевают за отведенное им время установить количественные закономерности ее функционирования. Результат — значение глубоких исследований снижается, а потребность в быстром качественном расследовании ситуации возрастает. Тем самым налицо сдвиг в научно-поисковой парадигме: отход от исследований и активизация научных расследований[2].

3. Исследование и расследование: информационный аспект. Выше мы уже затронули вопрос о различии между исследованием и расследованием с точки зрения информации. При этом мы акцентировали внимание на том факте, что расследование — это поиск информации,

---

[1] Кстати, и исследование, и расследование базируются на изучении. Следовательно, изучение можно трактовать как первую фазу познания, за которой идет расследование и уже потом собственно исследование.

[2] Дихотомия «исследование-расследование» представляет собой лишь один из срезов изучения современной науки. Сейчас уже известны и другие противопоставления. Одним из них является дихотомия «наука-технология», хорошо рассмотренная в [1]. Еще один кадровый срез науки — «цеховики-презентаторы» рассматривается в [2]. Все эти аналитические ракурсы преследуют одну цель — показать качественные метаморфозы современной науки.

а исследование — это еще и преобразование (обработка) информации. Однако это еще не все «информационное» различие между двумя рассматриваемыми актами познания.

Исследование, будучи более точным, основывается на более полных массивах информации по сравнению с расследованием. Полноценное исследование предполагает использование *репрезентативных* статистических количественных показателей и *первоисточников* качественной информации. Используемая исследователем информация должна быть достоверной, сопоставимой и без «дыр». Соответственно получаемые исследователем результаты могут быть проверены и перепроверены другими исследователями. Расследование же само по себе исходно предполагает работу с *неполной* информацией. Более того, оно направлено на максимальное «латание» информационных дыр. Как правило, результатом даже хорошего расследования является груда «осколков» информации, на основе которых и делаются выводы. Можно сказать, что *исследование — это создание новой информации, в то время как расследование — это компиляция информации*.

Рассмотрим для определенности анализа характерные примеры исследования и расследования из сферы экономики. В качестве первого может выступать проблема соответствия фактической оплаты труда ее равновесной оценке. Для этого необходимо иметь статистические ряды нескольких показателей за 1,5—2,5 десятилетия (условие полноты), которые должны быть официальными (условие достоверности) и приведенными к единой базе (условие сопоставимости). На их основе должна быть построена эконометрическая модель, которая и позволит рассчитать равновесную заработную плату в изучаемой стране (наличие эффективного инструментария). Чтобы повысить обоснованность выводов, необходимо провести межстрановой анализ и сравнить искажение равновесной цены труда в нескольких странах (условие универсальности и сравнимости). Результатом проведенного исследования будет новая информация (значение равновесной оплаты труда) и новые факты (например, превышение равновесной ставки над фактической величиной; несоответствие этого факта положению в других странах и т. п.).

Хорошим примером экономического расследования является выяснение особенностей протекционистской политики в России и за рубежом на рынке государственных закупок. Здесь необходимо собрать информацию об особенностях соответствующего законодательства в различных странах и оценить долю продукции иностранных компаний в государственных закупках. Однако такой информации в готовом виде нет и быть не может. Например, сведения о законодательстве в разных странах носят *спорадический* характер (только некоторые страны, а не все) и берутся они из *вторичных* источников (из обзоров внешнеторговых представительств и отчетов посольств). Это связано с тем, что никакой исследователь не в состоянии сам перевести соответствующие статьи из законов, например, Объединенных арабских эмиратов, Китая или Румынии. Кроме того, ни один исследователь не имеет доступа к полному пакету регулятивных норм даже в одной стране (например, в

Китае). Нельзя получить и интегральную долю продукции иностранных компаний в государственных закупках России, ибо такой информации официально не существует; можно только оценить эту долю для конкретных отраслевых рынков и видов оборудования (выборочные данные). Несмотря на все недостатки подобного расследования, ценность его все равно будет высокой, так как оно в любом случае внесет ясность в изучаемые вопросы.

На основе сказанного напрашивается логичный вопрос: если научные исследования базируются на более совершенной информации, то почему же тогда приоритет все больше отдается расследованиям?

Ответ прост: потому что в реальности имеется в основном только «лоскутная» информация об изучаемых явлениях. Остается все меньше предметных областей, которые *системно* обеспечены информацией, позволяющей проводить скрупулезные научные исследования. Более того, все меньше остается достоверной информации; даже официальные цифры подвергаются сокрушительной критике. Именно поэтому научные расследования, которые рисуют картину самыми общими мазками, не прорисовывая деталей, приобретают все большую популярность. Переходя на язык метафор, можно сказать, что сейчас человечество переживает моду на «научный импрессионизм», когда проводимый анализ лишь в самых общих чертах, но в весьма ярких тонах дает представление об изучаемом объекте и фоне, на котором он рассматривается; долговечные, но блеклые «научные офорты» нынче не пользуются популярностью.

4. Исследование и расследование: соотношение теоретических и прикладных аспектов. Несовершенство информационного обеспечения само по себе еще не может переломить линию познания в пользу научных расследований. Что же еще способствует этому?

Дело в том, что научные исследования всегда имеют ярко выраженную теоретическую направленность. Именно в теории арсенал научных методов может проявить себя максимально полно и эффектно. Более того, в теории имеет место еще один аспект поисковой деятельности — эстетический. Научные расследования наоборот являются реакцией на практические нужды и вызовы. Здесь, как правило, нет высокой науки и научной эстетики, но зато есть жесткая связь с реальностью. И, похоже, *практическая ценность расследований сейчас явно перекрывает теоретическую и эстетическую ценность исследований*. Именно поэтому само научное сообщество готово мириться с невысоким научным уровнем расследований. По сути дела сейчас действует простая формула: лучше низкий научный уровень и высокая экономическая отдача (т. е. расследование), чем высокий научный уровень и низкая экономическая отдача (т. е. исследование). Соответственно и научные расследования становятся предпочтительней научных исследований.

5. Исследование и расследование: различия в трудоемкости, поисковой креативности и общественной восприимчивости. Сдвиг в сторону расследований обусловлен еще целым рядом обстоятельств. Рассмотрим некоторые из них.

Первый фактор — *более высокая трудоемкость исследований по сравнению с расследованиями*. Как уже было сказано выше, исследования — это масштабная деятельность по переработке системной информации. Здесь требуется высокая квалификация, особые профессиональные навыки, большие усилия и значительное время на проведение расчетов и измерений. При расследовании все делается гораздо быстрее и проще. Неудивительно, что для проведения исследований требуется более основательное финансирование и больший научный энтузиазм со стороны исполнителей. Учитывая же тот факт, что расследования, как правило, имеют большую практическую ценность, их значение становится выше, чем значение традиционных исследований; все большее число профессионалов отдает им предпочтение, что и инициирует рассматриваемый нами парадигмальный сдвиг.

Второй фактор — *большая восприимчивость и самих научных кругов, и общественности к результатам расследований*. Так как исследования, как правило, являются достаточно специальными и «эзотеричными» для большинства непосвященных, то они мало кому интересны. Более того, они могут раздражать людей своей непонятностью. В противоположность им расследования достаточно прозрачны и по своему смыслу, и по методам сбора и обработки информации. Непосредственным результатом этого является то, что многие серьезные исследования оказываются просто-напросто невостребованными ни наукой, ни широкой общественностью, в то время как удачные расследования приносят их участникам славу и деньги. Такая «несправедливость» в распределении «наград» генерирует постоянные импульсы в сторону усиления феномена расследований[1].

Третий фактор — *поисковый потенциал расследований все чаще становится выше*. Здесь уже речь идет о соотношении креативности и творчества. *Креативность* проявляется в виде спонтанных находок

---

[1] Хорошим примером «выгодности» расследований может служить научная деятельность В.М. Полтеровича, который сейчас считается одним из самым авторитетных российских экономистов. Однако этот публичный авторитет он заработал отнюдь не на своих сильно математизированных работах, а на статьях, посвященных институциональным проблемам экономики, где практически нет никаких формальных построений. Даже сейчас его модельные статьи, как правило, остаются в тени по сравнению со статьями, изобилующими фактурой. Иными словами, слишком глубокие и специальные исследования «отторгаются» обществом.

Другим примером признания обществом роли расследований служит карьера Е.М. Примакова, который был избран академиком РАН, хотя к экономической науке как таковой он никогда не имел отношения. Но он проводил важные расследования в области политики в арабских странах, что имело большое значение для выработки политических решений. Это и было оценено при его приеме в действительные члены РАН.

Личный опыт автора позволяет отметить еще одну интересную закономерность: все мои статьи, которые я считаю удачными и значимыми для науки, не пользуются популярностью даже в научном сообществе, в то время как статьи, которые я отношу к разряду «проходных» и второстепенных, иногда получают неожиданный общественный резонанс. Здесь также проявляется «эффект отторжения» обществом сложных исследований и, наоборот, доброжелательное отношение к прозрачным расследованиям.

при жестких ограничениях на направление и время поиска; творчество в отличие от креативности не сковано такими ограничениями[1]. Соответственно *расследования требуют максимальной креативности, а исследования — максимального творчества*. Тем самым конкуренция между исследованиями и расследованиями как бы «переливается» в конкуренцию между креативностью и творчеством. Что же из них предпочтительней?

Как это ни парадоксально, но в последнее время предпочтение по умолчанию все больше отдается креативности. Дело в том, что творчество — это всегда в какой-то степени случайное блуждание, а креатив — это стрельба по цели. И все больше людей хочет бить в цель, а не плутать в надежде наткнуться на что-нибудь интересное. Это одна из весомых причин, почему расследования становятся более предпочтительными.

Кроме того, расследования по своей сути являются более динамичными, разнообразными и требуют все большего искусства при работе в информационном пространстве. Здесь формируются и индивидуальные, и общепринятые стратегии поиска данных, большое значение приобретает виртуозное владение Интернетом, умение отфильтровать и обобщить огромный объем информации. По сути дела на каждом шаге современного научного расследования человек может продемонстрировать свою креативность. И многих это вдохновляет, что и поддерживает тенденцию к доминированию расследований.

6. Исследование и расследование: индивидуальные и коллективные формы работы. Ранее мы уже поднимали вопрос об эмоциональной составляющей исследований и расследований. Если продолжить эту линию анализа, то следует разграничить позитивные эмоции в рамках двух видов деятельности. Так, *исследования содержат в себе колоссальный эстетический заряд* в отношении полученных результатов и их конечной формы. Элегантная теория, красивая формула, изящное преобразование и т. п. — все это эпитеты, характерные для выдающихся научных исследований. Скорее всего, никакое расследование не содержит в себе такого эстетического потенциала, как удачное исследование. Однако расследования имеют свое преимущество, связанное с *коллективным общением*. Поясним данный тезис.

В развитии науки долгое время наблюдались две кадровые линии развития. Первая — переход к коллективным формам работы, вторая — рост эффективности и производительности труда ученых. Похоже, что сегодня эти две линии пересеклись с весьма интересным результатом: творческие научные коллективы становятся нормой, вытесняя индивидуальные исследования, но сама численность творческих коллективов стала минимальной (2—4 человека)[2]. В настоящее время даже очень серьезная научная проблема может быть решена небольшим коллективом из 3—4 человек; нормой можно считать коллектив из трех участни-

---

[1] Примерно такое понимание креатива и творчества было высказано Е.В. Сумароковой, которой автор выражает искреннюю благодарность.

[2] Некоторые количественные закономерности эффекта «коллективизации» научных исследований в экономике рассмотрены в [3].

ков. Наличие современной вычислительной техники и информационных технологий делает большие коллективы либо ненужными, либо неконкурентоспособными. Это связано с тем, что 3—4 человека еще могут найти между собой общий язык и сбалансировать свое общение, в то время как более многочисленные группы уже превращаются в хаотичные сборища, где начинают сталкиваться индивидуальные и групповые интересы с вытекающими отсюда производственными интригами.

Однако главное заключается в другом: исследовательские группы (пусть даже очень маленькие) стали безальтернативной формой научной деятельности. И это связано не только с эффективным разделением труда, которое позволяет получить синергетический эффект, но и с тем, что сегодняшние исследователи остро нуждаются в обсуждении своей работы. И сделать это легче всего в процессе самой работы со своими коллегами. Именно совместный поиск информации, столкновение коллектива с интересными проблемами, парадоксами и неожиданными фактами делает проводимую работу по-настоящему осмысленной и радостной. Формирование различных подходов и идей в диалоге со своими партнерами в ходе проводимого расследования и генерирует тот эмоциональный подъем, который становится непременным условием любой научной деятельности. И редкие индивидуальные озарения ученых-одиночек уже не могут конкурировать с постоянным положительным эмоциональным тонусом участников коллективных расследований. Именно здесь сказывается преимущество научных расследований, где коллективный труд особенно необходим, над научными исследованиями, где довольно часто можно обойтись собственными силами индивидуума.

Именно факт контакта, общения и обсуждения делает расследования более популярными, нежели традиционные исследования. Переходя на образный язык, можно сказать, что чувство радости (а иногда эйфории), разливающееся и постоянно циркулирующее по организму участников коллективных расследований, перевешивает эстетическое удовольствие от вспышек редких озарений исследователей-одиночек.

7. Исследование и расследование: поиск смыслов против поиска форм. Переход к парадигме расследований имеет еще и цивилизационное звучание. Прояснить его можно, разобравшись в сущности происходящих перемен.

Раньше наука была ориентирована на поиск научного инструментария (метода), который и выступал в качестве нетленного результата научного творчества. Именно в этот период сложилась доктрина установления количественных связей, которые и выступали в качестве фундаментальных основ мироздания. Не удивительно, что классическая и постклассическая наука были заполнены всевозможными теориями, моделями и формулами. Более того, статус «настоящей» науки получали только те дисциплины, которые имели в своем арсенале указанные аналитические конструкции. Такие же отрасли знания, как философия, история, психология, филология и право по большому счету вообще были лишены такого статуса и фигурировали в качестве «неполноценных» наук.

Апофеозом классической науки выступает закон всемирного тяготения И. Ньютона $F=g(mM/R^2)$, а постклассической — знаменитая формула А. Эйнштейна $E=mc^2$. Здесь четко увязаны между собой фундаментальные характеристики вселенной, и это долгое время казалось великим достижением. Однако, как несложно видеть, в этих конструкциях главным является форма связи между переменными и параметрами, и этот момент в исследованиях считался главным. Теперь стало в целом очевидным, что в сложных системах, которые сегодня активно изучаются, идут процессы самоорганизации и развития, что отрицает какие-либо готовые формализованные теории. А коль скоро это так, то и поиск универсального инструментария (метода), форм взаимодействия и связей становится менее актуальным, что и знаменует переход к новой научной парадигме с отходом от традиционных исследований. Но что же тогда нужно теперь?

Сейчас формируется новая идеологическая канва, в соответствии с которой усилия надо тратить на поиск смысла происходящих событий. Современный анализ ставит перед собой не столько цели установления каких-то эфемерных зависимостей, сколько задачу ответа на такие вопросы, как «зачем?», «что это даст?» и т. п. Такие вопросы характерны для современных научных расследований, позволяющих установить глубинное содержание явлений.

Итак, *исследования ориентированы на изучение форм (связей), а расследования — на поиск содержания (смысла)*. Учитывая, что поиск смыслов для современной эпохи приобретает характер навязчивой идеи, научные расследования постепенно отодвигают традиционные исследования на второй план. Бороться с этой тенденцией значит бороться с требованиями эпохи. Гораздо легче встроиться в новое направление, чем осуществлять сверхусилия в рамках старого. Многие исследователи так и поступают.

8. Исследование и расследование: возможные конфликты. Разница между научными исследованиями и расследованиями ни в коем случае не может рассматриваться как абсолютная и непреодолимая. Существующее между ними различие в общем случае условно, но бывают случаи, когда им нельзя пренебречь. Более того, *идеологии исследований и расследований иногда приходят в противоречие и способны вызывать научный и институциональный конфликт*. Типичным примером такого конфликта может служить «новая хронология» истории, выдвинутая А.Т. Фоменко и его коллегами. В чем смысл данного конфликта между двумя группами историков?

Дело в том, что история, которая никогда не подпадала под определение классической науки, накопила огромный фактологический материал. И это накопление шло в русле идеологии научных расследований: историки лазили по архивам, добывали и сличали различные старинные манускрипты, сопоставляли даты исторических событий и т. п. В противовес этим действиям команда А.Т. Фоменко воспользовалась идеологией научных исследований и соответствующим математическим инструментарием для установления количественных закономерностей и связей. Результаты оказались обескураживающими, что и породило длительные

и горячие научные дискуссии. Фактически примененный аппарат, эффективный для традиционных исследований, оказался плохо применимым к сфере, базирующейся на методологии расследований. Отвлекаясь от того, какая из групп историков права, мы видим, что в некоторых случаях количественные методы научных исследований могут заводить ученых в тупик. Действительно, точные методы, использованные А.Т. Фоменко, на поверку оказались не такими уж точными; они породили такие разночтения даже в среде «технарей», что это окончательно запутало научное сообщество. Учитывая данное обстоятельство, можно утверждать, что область научных исследований медленно, но верно сокращается. Более того, сейчас необходимо до начала поисковой научной деятельности четко определить ее характер: будет ли это исследование или все же расследование.

Тем не менее, следует отметить и другую *тенденцию, заключающуюся в конвергенции методологии исследований и расследований*. Так, серьезные научные расследования все чаще предполагают довольно изощренные расчеты и изучение количественных закономерностей, которые вплетаются в общую канву проводимого анализа. И наоборот, многие исследования предполагают скрупулезные предварительные расследования, служащие точкой отсчета количественных построений. Можно даже говорить, что многие научные проекты сегодня распадаются на самостоятельные стадии расследований и исследований. Иногда эти стадии чередуются и пересекаются, создавая синтетический аналитический узор. Благодаря таким комплексным проектам грань между расследованиями и исследованиями часто стирается или, по крайней мере, становится неявной. Это снимает и противоречие между ними, хотя говорить об их тождестве было бы явно преждевременно.

9. Проявления новой научной парадигмы. Возникновение такого явления, как научное расследование имеет свои весьма специфические проявления в различных областях. Рассмотрим некоторые из них.

Первое проявление относится *к поиску самих научных проблем*, которые подлежат изучению. Здесь стандартной процедурой выбора темы исследования стал просмотр официальных сайтов государственных структур, проводящих тендеры и выставляющих исследовательские лоты. Такой способ учета конъюнктуры стал уже традиционным и не вызывает ни у кого удивления. Между тем в соответствии с таким механизмом формируется весьма своеобразная логика научного поиска: представители науки выясняют у чиновников, чем им заняться и какую проблему изучать. Разумеется, просмотр сайтов — не единственный способ отыскания перспективных научных тем. Газеты, журналы и выступления представителей власти также дают пищу для определения таковых. Тем самым уже сам *выбор научной темы требует определенного расследования*. Тот, кто игнорирует данный этап, тот рискует остаться без научных заказов. Еще 30 лет назад такая ситуация воспринималась бы в качестве аномальной; сейчас это норма.

Второе проявление связано *с быстрым устареванием и обновлением научной проблематики*. Пожалуй, особенно ярко это проявляется в рос-

сийской экономической науке, где в начале 90-х годов одной из важнейших проблем фигурировала проблема инфляции, в конце 90-х — проблема налогов, в начале нового столетия — проблема приватизации и национализации и т. д. Сейчас все эти проблемы ушли в прошлое, и заниматься ими совершенно неперспективно. И в такой смене интересов проявляется не только примитивная конъюнктурщина, но и объективное обновление потребностей общества. Столь быстрая утрата обществом интереса к той или иной проблеме делает бессмысленным усилия исследователя по выявлению глубинных свойств изучаемой им системы. Остается только как можно быстрее присоединиться к новомодной проблематике и успеть хоть что-то там сделать. Причем даже самые выдающиеся разработки все равно будут очень быстро забыты. Таким образом, следует стремиться проводить быстрые целевые расследования с максимально хорошей коммерциализацией.

Третье проявление связано *с изменением характера целых наук в направлении усиления расследовательской методологии*. Здесь, пожалуй, наиболее яркий пример дает социология, которая от масштабных обобщений все больше переходит либо к полевым исследованиям с ярко выраженной прикладной направленностью (маркетинг, выборные технологии), либо к поиску инсайдерской информации о действующих в обществе механизмах. Оба направления очень напоминают шпионаж и связаны с распутыванием и «расшифровкой» малопонятных, непрозрачных социальных явлений. Такого рода «шпионские» расследования дают богатый фактический материал и служат не только для понимания ситуации, но и для принятия более правильных решений. Глобальные и далеко идущие обобщения редко поощряются даже самим академическим сообществом, не говоря уже о коммерческих кругах. Таким образом, глубокие исследовательские обобщения безоговорочно проигрывают «шпионским» научным расследованиям, направленным просто на добычу информации.

Четвертое проявление сформировалось в недрах экономической науки и известно как *метод кейс-стади (case-study)*. Сегодня даже академические исследования не гнушаются этого метода, а бизнес и менеджмент почти полностью основаны на нем. Между тем кейс-стади представляет собой не что иное, как обычное расследование типичной или наиболее яркой ситуации. Считается (и небезосновательно!), что один хороший кейс (пример) несет в себе информации больше, чем любая самая хитрая теория. Все более частое апеллирование к кейс-стади само по себе свидетельствует, что научные расследования все больше укрепляют свои позиции.

10. Риски и угрозы. Если согласиться с развиваемым выше тезисом о превалировании научных расследований над научными исследованиями, то возникает необходимость дать хоть какую-то оценку данному явлению. Чем же чреват означенный парадигмальный научный сдвиг?

На наш взгляд, не стоит видеть в рассмотренной тенденции больше, чем есть на самом деле. Затухание масштабных и глубоких исследований носит объективный характер и связано с переходом от правового государства к информационному обществу [4]. Движущей силой ново-

го социума становятся уже не ученые и юристы, а изобретатели и хакеры [4, с. 53]. На новом витке своего развития человечество при изучении окружающего мира *опирается уже не столько на логику, сколько на интуицию*[1]. А это провоцирует отход от сложных аналитических схем. Соответственно на данном этапе исследовательская деятельность принимает форму расследований и это востребовано обществом.

Однако определенная опасность в наметившейся тенденции все же имеется и связана она с падением *научной культуры*. Щепетильность при работе с информацией и оформлением научных результатов уходит в прошлое, генерируя в конечном счете более примитивные тексты. Ярким проявлением этой тенденции служит примитивизация и уродование родного языка[2], увеличение неграмотных и полуграмотных людей не только среди обывателей, но и среди научного сообщества. Другим проявлением падения научной культуры служит высокий уровень «мракобесия» почти во всех странах мира, включая самые передовые: 70—80% обычного населения не понимает даже самых простых научных истин [6, с. 61].

Если примитивизм станет массовым явлением (а это уже происходит!), то это затормозит развитие интуитивных способностей людей. А это в свою очередь может спровоцировать возврат к сложным и не очень плодотворным исследованиям. Теоретически может установиться циклический режим, когда будут происходить постоянные колебания от парадигмы исследований к парадигме расследований и обратно. На наш взгляд, такая опасность существует, и игнорировать ее не имеет смысла.

Литература

1. *Ваганов А.Г.* Заметки к спорам о судьбе фундаментальной науки // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006.
2. *Плюснин Ю.М.* Эпистемология и стратегия научного поиска // Наука. Инновации. Образование. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007.
3. *Балацкий Е.В.* Технологии, изменяющие науку // Информационное общество. № 5—6. 2006.
4. *Фельдман Я.А.* Теория уровней и модель человека. М.: Доброе слово; Черная белка, 2005.
5. *Балацкий Е.В.* Взаимные преимущества западной и российской моделей сообщества экономистов // Науковедческие исследования. / Отв. ред. А.И. Ракитов. М.: ИНИОН РАН, 2007.
6. *Ваганов А.Г.* Научно-популярная литература и престиж науки в обществе // Наука. Инновации. Образование. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007.

---

[1] Некоторые вопросы интуитивного проникновения в суть явлений, выступающего в качестве антипода метода формалистичного описания системы, рассмотрены в [5].

[2] Этим процессом захвачена не только современная Россия, но и относительно благополучная Германия. Нечто подобное наблюдается и во многих других странах мира.